

Научная статья

УДК 801.73; 81'22; 78.03; 78(4/9)  
DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-388-408

**Ереван в музыкально-словесном тексте  
песенного искусства второй половины XX века**

**Ерванд Грантович Маргарян**<sup>1</sup>  
**Гаяне Саркисовна Маргарян**<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Российско-Армянский (Славянский) университет  
Ереван, Армения

<sup>1</sup> Институт востоковедения Академии наук Республики Армения  
Ереван, Армения

<sup>2</sup> Ереванская государственная консерватория имени Комитаса  
Ереван, Армения

<sup>1</sup> yervand.margaryan@rau.am, <https://orcid.org/0000-0001-7396-2399>

<sup>2</sup> gayane.margaryan@rau.am, <https://orcid.org/0000-0002-3833-1193>

*Аннотация*

Дается комплексный анализ вербального и музыкального текстов двух культовых песен, посвященных Еревану постмодерной эпохи, «Мой Ереван» Арно Бабаджаняна на слова Норы Адамян и Гарольда Регистана (1958), впервые прозвучавшей в фильме «Песни первой любви» режиссеров Юрия Ерзинкяна и Ларуиры Вагаршяна, и «Эребуни-Ереван» (1968) Эдгара Оганесяна на слова Паруйра Севака. Первая из этих песен стала брендом постмодерного Еревана, вторая – его официальным гимном. В статье обозначены основные стилистические и выразительные средства, мелодические и вербальные составляющие песен; выявлены связи песен с базовыми концептами армянской лингвокультуры и традициями городского песенного фольклора. Компаративный и интерпрета-

© Маргарян Е. Г., Маргарян Г. С., 2025

тивный анализ вербальных текстов позволил выявить основные стилистические приемы, «очеловечивающие» песню, рассмотреть способы проявления рефлексии авторов песен, понять, какие явления и тенденции были актуальными в обозначенный исторический период, какие культурные тренды доминировали и какие социальные силы выступали заказчиками, какие цели они преследовали. В статье показано, как со сменой поколений происходила трансформация вкусов и предпочтений и как это отражалось в песнях о Ереване.

*Ключевые слова*

Ереван, вербальный и музыкальный анализ, Арно Бабаджанян, Эдгар Оганисян, Паруйр Севак, рефлексия авторов песен и аудитории

*Благодарности*

Исследование выполнено при поддержке Комитета по науке РА в рамках исследовательского проекта № 21AG-6C041 «Когнитивные, коммуникативные и семиотические механизмы формирования исторической памяти и национальной идентичности»

*Для цитирования*

Маргарян Е. Г., Маргарян Г. С. Ереван в музыкально-словесном тексте песенного искусства второй половины XX века // Критика и семиотика. 2025. № 1. С. 388–408. DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-388-408

## Yerevan in the Musical and Verbal Text of the Song Art of the Second Half of the 20<sup>th</sup> Century

Yervand H. Margaryan<sup>1</sup>, Gayane S. Margaryan<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Russian-Armenian (Slavonic) University  
Yerevan, Armenia

<sup>1</sup> Institute of Oriental Studies  
of the Academy of Sciences of the Republic of Armenia  
Yerevan, Armenia

<sup>2</sup> Yerevan State Conservatory named after Komitas  
Yerevan, Armenia

<sup>1</sup> yervand.margaryan@rau.am, <https://orcid.org/0000-0001-7396-2399>

<sup>2</sup> gayane.margaryan@rau.am, <https://orcid.org/0000-0002-3833-1193>

*Abstract*

This article provides a comprehensive analysis of the verbal and musical texts of two cult songs dedicated to Yerevan of the postmodern era “My Yerevan” to the music of Arno Babajanyan, to the words of Nora Adamyan and Harold Registan (1958), first

performed in the film directed by Yuri Erzinkyan and Laert Vagharshyan “Songs of First Love” and “Erebuni-Yerevan” (1968) by Edgar Oganessian, in the words of Paruyr Sevak. The first of these songs became the brand of postmodern Yerevan, the second – its official anthem. The article identifies the main stylistic and expressive means, melodic and verbal components of songs; the connections of the songs with the basic concepts of the Armenian linguistic culture and the traditions of urban song folklore are revealed. Comparative and interpretative analysis of verbal texts allowed us to identify the main stylistic techniques (visual and expressive means) that “humanize” the song, to consider ways of reflecting the songwriters and their audience, to understand what people lived, appreciated and loved in that era, what phenomena and trends were relevant in that historical period, what cultural trends they were dominant, and which social forces acted as customers, what goals they pursued. The article shows how the transformation of tastes and preferences took place with the change of generations, and how this was reflected in the songs about Yerevan.

*Keywords*

Yerevan, verbal and musical analysis, Arno Babajanyan, Edgar Oganessian, Paruyr Sevak, reflection of songwriters and audience

*Acknowledgements*

The research was carried out with the support of the RA Science Committee within the framework of the research project no. 21AG-6C041 “Cognitive, communicative, and semiotic mechanisms of the formation of historical memory and national identity”

*For citation*

Margaryan Ye. H., Margaryan G. S. Yerevan in the Musical and Verbal Text of the Song Art of the Second Half of the 20<sup>th</sup> Century. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2025, no. 1, pp. 388–408. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2025-1-388-408

Целью статьи является комплексный анализ вербального и музыкального текстов двух песен, посвященных Еревану постмодерной эпохи. Выбор песен неслучаен, так как они стали знаковыми для целой эпохи. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проведен композиционный анализ песенных и нотных текстов, выявлены основные стилистические приемы, а также связи песен о Ереване с базовыми концептами армянской лингвокультуры и традиций городского песенного фольклора.

В исследовании использовались методы наблюдения, описания, количественного анализа, а также компаративный и интерпретативный методы. Представленные песни написаны в разное время, разными авторами, в разных стилях, соответственно отличаются по складу, стилистическим формам ис-

полнения и содержанию. Песни, ставшие объектом исследования, несут на себе отпечаток своего времени и сегодня воспринимаются как символы своей эпохи. Авторы этих песен диктовали моду и формировали вкусы многих поколений, создавали своеобразный социокультурный фон в Республике на протяжении долгого времени.

В статье показано, как со сменой поколений происходила трансформация вкусов и предпочтений и как это отражалось в песнях о Ереване.

За рамками исследования остались песни, многие из которых достойны подробнейшего анализа, но в рамках одной статьи не представляется возможным рассмотреть их все.

**Пролог.** История Еревана уходит в глубь веков. Бесчисленные фразеологизмы о древности Еревана давно стали сакраментальными. Однако, как это ни странно сегодня может показаться, о том, насколько древним является Ереван, стало известно относительно недавно. Подлинный возраст города стал известен, после того, как в 1958 г. археологи обнаружили каменные стелы с клинописными инскрипциями, свидетельствующие о том, что в 782 г. до Р. Х. царь Аргишти I на холме Арин-Берд основал город-крепость Эребуни [Пиотровский, 1959, с. 23–24]. После того, как мир узнал об истинном возрасте современного розового города, правительством Советской Армении было решено торжественно отпраздновать юбилей Еревана. Для того чтобы придать размах этому коммеморативному событию, было решено провести ряд мероприятий.

Прошло целых 10 лет, пока наконец в октябре 1968 г. жители Еревана и вся Армения смогли отпраздновать 2750-летие города. Празднование было организовано с огромным размахом и, как в армянских сказках, продлилось целую неделю. Именно в эти дни в исполнении хора из 2 750 человек, впервые прозвучала песня выдающегося армянского композитора Эдгара Оганесяна на слова диссидентствующего поэта, любимца армянской интеллигенции, Паруйра Севака «Երևանի փրձած իմ Երեւանի» («Мой Эребуни, ставший Ереваном», или, как ее принято называть сегодня, «Эребуни-Ереван»). Эта песня стала гимном Еревана<sup>1</sup>, который, уже давно, как и полагается при исполнении гимна, армяне и гости столицы слушают стоя.

С 1968 г. ко дню города армянские композиторы считают своим долгом непременно откликнуться на это событие созданием новых песен. За эти почти 60 лет было написано более ста песен. Многие молодые и маститые,

---

<sup>1</sup> В 2004 г. песня «Эребуни-Ереван» была официально признана гимном.

классические и джазовые композиторы, а также барды и представители рабиса не раз признавались и продолжают признаваться в любви своему городу, причем некоторые по несколько раз.

Однако история создания песен о Ереване имеет гораздо более раннюю историю и берет начало в Средние века. Характерной особенностью произведений о Ереване того времени была весьма распространенная в армянской средневековой литературе песня-плач по поводу захвата врагом древних цветущих городов [Нерсес Шнорали, 1982; Абемян, 1975, с. 391–393; Кочарян, 1976, с. 105–148; Саркисян, 2022, с. 91–99]. В 1388 г. Ереван упоминается в одном из тагов Григора Церенца, в котором автор рассказывает о нашествии Ленгтемура (Тамерлан) и разрухе, царившей после этого нашествия. В XVI в. о Ереване был написан плач с описаниями разрушений, захвата населения в плен и разграбления города Мустафой Лалашпашой. Автором плача является очевидец событий Ованес Тагасац [Саркисян, 2011, с. 3].

В сборнике песен работников искусств (рабис), изданных А. Газияном в 1989 г., имеются тексты песен, исполнявшихся в 1920–1930-х гг., где рассказывается об установлении советской власти в Ереване, о том, как большевистские пулеметы с броневиков расстреливали дашнаков, а те сломя голову бежали из Еревана («Պոլվնվոսնէր կրակեցին քրանւնվիկից», «Երևանից վազեվազ...») [Газиян, 1989, с. 229].

Автором первой сатирической песни, посвященной Еревану, был армянский художник, поэт-сатирик и музыкант XVII в. Нагаш Овнатан [Тарвердян, 1957, с. 13]. По этой сатирической песне, названной «Похвала городу Еревану», можно составить представление о ереванском быте вплоть до таких подробностей, как торговые ряды, дороговизна жизни, нездоровая вода, пыль, грязь и комары, здесь поэт заболел малярией и только зимний снег спас его от недуга [Иовнатан, 1983, с. 99–101]. Нагаш Овнатан (1661–1722) – родоначальник известного рода армянских живописцев, был последним из «тагасацев» (исполнителем тагов<sup>2</sup>) и миниатюристов и первым из ашугов и живописцев Нового времени. Он автор росписей Эчмиадзинского кафедрального собора, а в 1710-х гг. был при

---

<sup>2</sup> Таг (арм. Տագ – продолжительное по времени исполнения, часто сольное, однополостное песнопение средневековой армянской духовной музыки, носившее виртуозно-концертный характер; особый жанр профессиональной богослужебной музыки в средневековой Армении [Кушнарев, 1958]).

дворе предпоследнего грузинского царя из династии Багратидов певцом-поэтом и живописцем [Степанян, 1989, с. 180].

В раннесоветский период песен о Ереване было немного, но в большинстве своем они были жизнерадостные, без пропагандистского пафоса. Ереван в этих песнях представлялся благоденствующим городом с цветущими садами, где воздух вольный, и дышится в нем легко, через реку перекинуты прочные широкие мосты, постройки радуют глаз, а впереди – светлое будущее. Характерным примером этого жанра стала песня «Ереван» Ашуга Гркеза – одна из наиболее интересных песен того времени, посвященных Еревану [Тарвердян, 1957, с. 451]. В ней воспевается столичная вольная жизнь, дающая простор для самовыражения. Однако эта и другие песни о Ереване были гусанскими, а гусанская песня – средневековая по сути и по форме [Кочарян, 1976, с. 16]. Петь в гусанском стиле о городе, в 1930-е гг. переживающем градостроительный бум и стремительно меняющем свой облик, было несомненным анахронизмом. В двери стучала новая эпоха, с новыми темпами и новыми ритмами, и творческие люди реагировали на эти изменения.

В 1938 г. в Армении появился первый джаз-бэнд, которым руководил Артемий Айвазян. Большую популярность джаз-бэнду принесла песня на слова Ованеса Гукасяна «Праздник в Ереване». Эта песня не имела ничего общего ни со средневековыми песнями-плачами, ни со средневековыми гусанскими ладами, ни с бравурными пропагандистскими песнями первых десятилетий советской власти, прославляющими трудовой подвиг советских людей под умелым руководством партии и правительства. Она проникнута праздничным настроением, прославляет прекрасный воздух и «сладкую», «живую» воду Еревана.

Другая нашедшая отклик в душах ереванцев джазовая песня талантливого молодого композитора Дживана Тер-Тадевосяна на слова Геворга Эмина «Ереван, мой добрый город», в которой Ереван предстает «сыном» и «отцом», «новым» и «древним» Урарту. В этой удивительной для своего времени песне, со смелой аранжировкой и «рваным» ритмом, поется о том, что, где бы ни был автор, он всегда помнит и чтит свой каменный город. В 1970-х гг. это произведение можно было слышать повсеместно в исполнении тогда еще совсем молодой певицы Беллы Дарбинян. Следом разными авторами – А. Хачатуряном, А. Долуханяном, А. Аджемьяном, тем же

А. Айвазяном, В. Котояном, С. Джербашяном и другими – было написано много замечательных песен о Ереване<sup>3</sup>.

С начала 1950-х гг. жизнь в Советской Армении стала меняться к лучшему – началась хрущевская оттепель. Именно в этот период (с 1956 по 1968 г.) в Республике началась ускоренная индустриализация. Это не могло не отразиться на культурной жизни страны. Небывалый расцвет в Армении переживали кино и изобразительное искусство, поэзия и, конечно, музыка, и, что также немаловажно, началась репатриация армян. Репатрианты преимущественно были выходцами из городской среды, воспитанные на западных ценностях, они формировали вокруг себя атмосферу относительной свободы.

В это же время в город стало переселяться много сельских жителей, особенно после того, как Никита Хрущёв дал колхозникам паспорта. Армения переживала урбанистический взрыв. Это подстегивало интерес к жанру городской песни, ведь именно песня обладает удивительным свойством идейно и эмоционально объединять большие людские массы.

Сквозной идеей большинства песен стало обретение вождленного пристанища для армянства, веками живущего и творящего на чужбине. Ереван стал отождествляться с *домом*, куда в любой момент можно вернуться, и остаться в нем навсегда. Он стал местом, где армянин не выглядел белой вороной и где никто не мог его попрекнуть за то, что он армянин. Здесь армяне могут на время забыть о несчастьях и испытаниях, выпавших на долю их отцов.

Характерной чертой Еревана было то, что он до некоторой степени был ментально самоизолирован. Он не был «советским» в той мере, в какой были советскими Москва, Минск, Горький, Фрунзе и другие города бывшего Советского Союза. Ереван не был «интернациональным» и столь русскоязычным, как Баку, Алма-Ата, Тбилиси, Ташкент или Кишинёв.

---

<sup>3</sup> Некоторые из популярных песен о Ереване: А. Хачатрян. Песня о Ереване (сл. А. Граши); А. Долуханян. Ереванские вечера (сл. А. Граши); А. Аджемян. Вечерний Ереван (сл. В. Арутюняна); А. Айвазян. Джан Ереван (сл. А. Айвазяна), В. Котоян. Мой Ереван (сл. С. Капутикян); К. Орбелян. Ереванская мелодия (сл. А. Граши); А. Бабаджян. Мой Ереван (сл. В. Арутюняна); Эд. Абрамян. Ереванский вальс (сл. Ов. Гукасяна); Э. Багдасарян. Песня о Ереване (сл. В. Арутюняна); С. Джербашян. Ереван (сл. Гр. Чаликяна); Арт. Хачатрян. Мой Ереван (сл. А. Граши); К. Закарян. Ереван (сл. Сармена); М. Мазмян. Ереван (сл. Гусана Сероба); Г. Армян. Ереван (сл. Арт. Погосяна); Х. Аветисян. Утренний Ереван (сл. Т. Демуриян) и мн. др.

По образному описанию Светланы Лурье, «...попытки создать “нормальный” интернациональный город предпринимались не раз и не приводили ни к каким результатам... Причем никакой речи о сознательном сопротивлении интернационализации при советском режиме не могло быть и речи... В Ереване... всё происходило как по волшебству, само собой. Историк не обнаружит никаких свидетельств того, что процесс этот был кем-либо направляем, или хотя бы, что он осознавался... Объясняется этот феномен тем, что в данный момент армянский этнос переживал период своего “переструктурирования”, и этнический процесс оказался более сильным, чем политические, социальные и демографические процессы» [Лурье, 2004, с. 25].

Песенное искусство, пожалуй, как никакое другое, реагирует на онтологические особенности своего времени [Эмер, 2007, с. 25–27]. Возможно, поэтому в армянском песенном искусстве времен хрущёвской оттепели не прослеживаются «советские» музыкально-поэтические смыслы, зато очевидна «армянская» музыкально-поэтическая суть. В произведениях армянских песенников практически отсутствует субстанция *советского*, но ощущается субстанция *армянского* или даже *ереванского*.

**Тело. Запоздалый свинг.** Первая из выбранных нами брендовых песен о Ереване ожидаемо называется «Мой Ереван». Она впервые прозвучала в фильме режиссеров Юрия Ерзинкяна и Лазрта Вагаршяна «Песни первой любви»<sup>4</sup>, вышедшем на большой экран в 1958 г. Эта и другие песни из фильма сразу завоевали сердца слушателей и вскоре зажили самостоятельной жизнью [Тероганян, 2001, с. 216]. Слова песни были написаны Норой Адамян и Гарольдом Ригистаном (Уреклян), сыном одного из соавторов гимна СССР. Музыка к фильму написал Арно Бабаджанян, пожалуй, один из самых популярных композиторов-песенников Советского Союза и, конечно, Армении. Его песенное творчество существенно расширило тематику песенного искусства Армении и Советского Союза в целом. Песня «Мой Ереван» стала самым ранним, но значительным песенным успехом Арно Бабаджаняна. Лучшие его произведения – лирические откровения, наполненные душевным благородством, в которых всё уравновешено, нет ничего лишнего, недосказанного. Он автор не только песен, многие из его классических произведений по праву вошли в сокровищницу мирового музыкального искусства. Арно Бабаджанян был талантливым композитором и пианистом, получившим блестящее образование [Аматуни, 1985,

<sup>4</sup> <https://www.youtube.com/watch?v=RNwGifA57Ro&t=698s>

с. 9–10]. Он вошел в историю классического музыкального искусства как автор квартетов, трио, фортепианных пьес, инструментальных концертов и других произведений классических жанров. Причем Бабаджанян часто выступал как композитор, использующий новейшие методы и техники композиции. Эту сторону творчества молодого композитора не раз подчеркивал А. И. Хачатурян [1982, с. 186].

Помимо огромного таланта Бабаджаняна, еще одним секретом невероятной популярности его песен было то, что он писал их в тандеме с лучшими советскими поэтами своего времени – Р. Рождественским, Е. Евтушенко, А. Вознесенским, Л. Дербенёвым. Песни, прозвучавшие в кинофильме «Песни первой любви», на долгие годы стали брендами Еревана, и это не случайно, ведь в фильме звучат прекрасные эстрадные песни в исполнении очень популярного в то время Сергея Давидянца в сопровождении высоко профессионального джазового оркестра. Эта песня является знаковой для всего армянства. Интересно, что сам Сергей Давидянец не был ереванцем, но, очевидно, певец на генетическом уровне ощущал свою армянскость и даже «ереванскость», поэтому его исполнение так трогало его современников. В главной роли в фильме снялся тогда еще молодой актер, красавец Хорен Абрамян, в дальнейшем – культовая фигура армянского кинематографа. В результате сочетания нескольких факторов – поэтической и музыкально-интонационной наполненности текстов авторов, вокального мастерства Давидянца и актерской игры Хорена Абрамяна – возникло то целостное представление о ценностных, коммуникативных и идентификационных особенностях действительности, которые были воплощены в песне.

Образ высокого, атлетически сложенного красавца Хорена Абрамяна надолго запечатлелся в сознании советских женщин той поры, имплицитно формируя позитивный образ ереванца и советского армянина. Привлекательный образ харизматичного персонажа, сыгранный Хореном Абрамяном, вызывал положительные эмоциональные реакции у зрителей, тем самым конструируя новые гендерные стереотипы, представляя мужчин-ереванцев как умных, успешных, сильных и привлекательных, следящих за модными тенденциями своего времени. Так происходила персонификация бренда Еревана, его наполнение новыми образными значениями и вторичными характеристиками.

Особый интерес представляет текст песни, изобилующий новыми смыслами и коннотациями. Это не надрывная песня обиженного на белый свет скитальца-армянина, это песня хозяина своей земли, гордого тем, что

он родился и живет на ней. Это песня состоявшегося человека, живущего в прекрасном городе под сенью Арарата. При этом город персонифицируется и предстает перед нами в образе «родного друга», с которым автор рос и мужал и жизнь свою навечно связал с каждым зданием, каждой улочкой города. Автор восхищается мягким климатом, холодной вкусной водой и вечерней прохладой города, великолепными площадями и фонтанами. В тексте нет тяжеловесной выпренности, характерной для искусства сталинской эпохи. Он скорее напоминает доверительный разговор с другом, добрым и внимательным. Как и во многих песнях о Ереване, авторы указывают на генетическую связь с Араратом, с которого дуют ветры, укачивающие младенцев. Арарат, оказавшийся (согласно Московскому и Карсскому договорам 1921 г.) в Турции, продолжает восприниматься как неотъемлемая часть этногенетического кода армянина.

Здесь звезды так ярко, так низко горят,  
Что можно рукой их достать.  
Здесь ветер спускался с горы Арарат  
Мою колыбель покачать.  
Был переулок кривой,  
Рос перед домом платан.  
Рос я с тобой и мужал я с тобой,  
Город жизни моей, Ереван.

Припев:

И мне так сладок твой полуденный зной  
И свежий ветер твоих ночей.  
Где б ни был я, но ты всегда со мной,  
Мой Ереван, звезда моих очей.

Сквозь годы я детство свое не забыл,  
Но старых дорог не найду.  
У стен, где кривой переулок пылил,  
Широким проспектом иду.  
Вижу я парк молодой, площадь, где плещет фонтан.  
Горд я тобой и твоей красотой,  
Город жизни моей, Ереван.

Припев.

В ритмике песни и в словах текста присутствуют ориентальные мотивы. Ереван предстает южным, быстро развивающимся городом, но по темпам жизни уступающим мегаполисам вроде Москвы. Приходит на ум другая песня Арно Бабаджаняна на слова Муслима Магомаева «Лучший город

Земли», где Москва изображается городом, живущим в ускоренном темпе, характерном для мегаполиса той эпохи. Это город молодых людей, танцующих твист, в нем особая, неуправляемая энергетика! В Советском Союзе, как и в любой другой империи, было два города-метрополии – Москва и Ленинград, отличающиеся внешней ориентацией, силой и скоростью, но были и есть города периферийные, со своими особенностями, чаще всего с южным колоритом. Ереван – город, живущий современной жизнью, северянину, он чем-то напоминает курортный город. В нем живут колоритные люди, отличающиеся от людей метрополии, они добрые отзывчивые, открытые, мудрые, но они живут как бы вне текущего времени.

И всё же в песне почти не ощущается «колониального патернализма». Между строк просматривается лишь колониальный дискурс, связанный с изменением ландшафта и архитектуры в колониальной стране, в соответствии с имперскими стандартами и потребностями. Так в песне поется о широком проспекте, который построен на месте пыльного, кривого переулка, который уже не найти. Но вместе с тем воспетый в песне Ереван не имеет ничего общего со знойными мусульманскими ближневосточными городами. Это столица горной страны, где рукой можно достать до звезд, это древний и одновременно юный город с джазовым налётом. Здесь слышна армянская национальная музыка, пропитанная искренней верой в преимущества советского строя, в его созидательную силу. Она полна оптимизма и искренней веры в завтрашний день.

Песня «Мой Ереван» была востребована широкой аудиторией из-за большой силы эмоционально-психологического воздействия [Бурматов, 2018, с. 82]. Написанная в простой куплетной форме, с явной джазовой направленностью, прозвучав в первый раз в исполнении талантливого певца, она сразу понравилась «массовому слушателю». И это было прогнозируемо, ведь песня оказалась созвучна духовным потребностям, мироощущению, психологическому климату армянского общества того времени [Цукер, 2012, с. 16].

В партитуре А. Бабаджанян предписывает исполнять песню в темпе «свинг» (swing с англ. «покачивание»). Благодаря этому, казалось бы, простому, ясному джазовому ритму в музыке возникает чувство ожидания и последующего движения вперед. Основанный на триольной пульсации, в которой именно третья нота наделена смысловой нагрузкой, этот ритмический рисунок создает то самое ощущение движения музыки вперед, характерное для джаза, в котором есть непреодолимое движение к основному удару [Шегай, 2021, с. 350] (пример 1).

## Пример 1



В музыкознании есть несколько точек зрения относительно свинга. Одни считают, что свинг имеет психологическую основу, другие – что метроритмическую. В одном случае это понятие интерпретируется как более широкое, объемное, как выражение духовной свободы в музыке; в другом – это конкретная ритмическая структура. Сами джазовые исполнители говорят о свинге по-разному, главное, на что они указывают, – это ощущение, которое передается другим; ощущение легкости, расслабленности; ощущение пульса в хорошем оркестре и пр. [Верменич, 2007, с. 6–7].

После небольшого оркестрового вступления в четырехдольном метре (*Alla breve*) в партии солиста очевидно свинговое триольное движение. Кстати, триольное движение в то же время является характерной особенностью армянской народной музыки. Так, автор находит возможность связать джазовые мотивы и ритмы с особенностями армянской народной музыки (пример 2). Он использует джазовые паттерны, «прошивая» их армянским народным мелосом.

## Пример 2

сла - лок твой по - лу - ден - ный зной

и све - жий ве - тер тво - их но -

чей Где б не был я но ты всег -

да сомной мой Е-ре - ван, звез - да мо - их о - чей.

Поначалу оркестровая партия, сопровождающая куплет, несет несложную гармоническую функцию, но в припеве слышны свинговые интонации с безударной второй долей триоли и явным вниманием к третьей, создающей стремительное движение вперед.

В оркестре слышна регулярная пульсация – бит (beat – букв. удар). Это характерное для джазовых импровизаций акцентирование ударной группой одинаково подчеркнутых акцентов, создающих ритмический пульс. Так автор добивается обостренной ритмической интенсивности звучания. Кстати, оркестровый состав напоминает стандартную форму биг-бэнда, который был популярен в Америке во второй половине 1930-х гг. Он включает примерно 20–25 инструментов: трубы, тромбоны, саксофоны, кларнеты, ритм-секцию, в состав которой вошли фортепиано, аккордеон, струнные (в том числе басовые) и, конечно, ударные. Стоит отдельно указать на достаточно изощренный оркестровый аккомпанемент, который является одной из форм воплощения свингового стиля.

Со дня выхода на киноэкран и до наших дней песня «Мой Ереван» исполнялась бесчисленное количество раз разными исполнителями и на разных манер, она пережила множество интерпретаций, хороших и плохих, но всегда оставалась любимой ереванцами и не только ими.

**Тело. Гимн.** Однако вернемся к песне «Эребуни-Ереван», другому, не менее известному и тоже очень знаковому произведению, посвященному Еревану. Текст песни был написан Паруйром Севаком.

Ставший Ереваном, мой Эребуни,  
Ты наш новый Двин,  
Наш новый Ани.

Нашей маленькой земли  
Ты большая мечта,  
Наша вековая тоска,  
Наша каменная нежность.

Ставший Ереваном,  
Мой Эребуни  
Прошел сквозь века,  
Но остался юным.

Под сенью отца твоего – Масиса,  
Питаемый матерью твоей – Араксом,  
Процветай веками, Ереван.

Зов крови у нас  
Есть в сердцах,

Несбывшиеся мечты  
Есть ещё у нас.  
Наш зов без тебя  
Пройдёт просто зря,  
Без тебя наш горячий  
Зов охладает.  
Ставший Ереваном,  
Мой Эребуни,  
Прошел сквозь века,  
Но остался юным.  
    Под сенью отца твоего – Масиса,  
    Питаемый матерью твоей – Араксом,  
    Процветай веками, Ереван.  
В жизни каждая любовь  
Бывает разной,  
А мы все вместе  
Пьяны тобой.  
Горяча наша любовь,  
Как твои алые камни,  
Стара наша любовь,  
Как твои нескончаемые века.

Этот гимн Еревану, как и положено гимну, очень эпичный и метафоричный. В нем имеются отсылки к славному историческому прошлому армянского народа, указание на его эксклюзивность, древность, историческую преемственность, ведь Ереван – наследник всех двенадцати столиц исторической Армении<sup>5</sup>.

Текст песни столь же драматичен, сколь и символичен. В нем отражены мечты и чаяния народа, не потерявшего надежды на возрождение былой славы и величия Армении, а также на восстановление исторической справедливости. «Стой гордо, прямо, будь силён и крепок, Не то утихнет всех мечтаний глас...». Такая патетика оправдана. Память о людских жертвах и территориальных утратах, а также о подвигах армянского народа, как прежде, волнует каждого армянина. Автор текста, указывает на древнюю историю города и на его молодость, которая сможет завоевать новые высоты и славу: «...прошёл ты сквозь века, но остался юным...». Ереван для

---

<sup>5</sup> Тушпа-Ван, Армавир, Ервандашат, Аргашат, Тигранакерт, Вагаршапат, Двин, Багаран, Ширакаван, Карс, Ани, Ереван.

Севака – это не просто городское пространство, это семантически наполненная, эмоционально насыщенная и вместе с тем упорядоченная территория. Это место выбрано не просто так, оно освящено многовековыми смыслами и взывает к голосу предков... Ему покровительствуют река Аракс и гора Масис. Аракс – река, истоки и верховья которой находятся в пределах Армянского нагорья. Она испокон веков орошала поля и кормила людей (недаром в тексте Аракс ассоциируется с образом матери). В то же время Аракс – это река времени, она отмеряет историческое время Армении. Масис (армянское название Арарата) – отец, который является, пожалуй, самым знаковым символом Армении, несмотря на то, что после заключения Московского и Карсского договоров был передан Турции.

Эти новые парадигмы и порождаемые ими новые ощущения отчетливо отразились в песенном искусстве. Происходили трансформации сюжетных, конструктивных, музыкальных, ритмических и других черт эстетического языка. Изменялись предметно-образный ряд песен, стилистика повествования, материализовывались внеполитические пласты эпох, создавая особый, неповторимый узор времен.

Через гимн Еревану как бы устанавливалась связь времен, связь с Великой Арменией, чьими сынами и дочерьми армяне всего мира считают себя и по сей день. Отсюда можно заключить: армянская нация живет как бы в двух измерениях – в мире реальном и иллюзорном. Мир ирреальный, вымышленный – это мир чаяний и исторической памяти, совмещенных в сознании людей, изгнанных из исторической родины: «...Тоска веков ты, верь мне, очень давних, Свои мечтанья мы в тебе храним...». Сегодня эпоха Великой Армении осталась далеко позади. Достолавные города прошлого остались на территории Турции, Азербайджана и других стран. Для армян это повод для фрустраций и комплексов, что мешает сконцентрироваться на решении современных проблем, которые постоянно откладываются до лучших времен, когда, словно в армянском эпосе, будет восстановлена историческая справедливость.

Что касается музыкального текста, то при всей эмоциональности и даже грандиозности звучания он предельно ясен и прост, фактура графична, очевиден речитативно-декламационный характер мелодики. Даже при беглом взгляде на партитуру нетрудно в небольшом оркестровом вступлении заметить унисонное движение в верхних голосах, поддерживаемое таким же унисонным движением в басах в натуральном до миноре (C moll) (пример 3).

## Пример 3

**Maestoso e cantabile**

Solo duetto

Coro

Piano

Очевидна дань композитора монодическому началу, характерному для армянской народной музыки [Кушнарев, 1958].

В изложении мелодии первого куплета, в неторопливом движении очевидно смысловое превалирование восходяще-нисходящих мелодических линий (пример 4).

## Пример 4

Solo duetto

Е-ре-ва-ном стал мой Э-ре-бу-ни,  
Е-ре-ва-ном стал мой Э-ре-бу-ни,  
Е-ре-ва-ном стал мой Э-ре-бу-ни,  
Е-ре-ва-ном стал мой Э-ре-бу-ни,

В общей структуре изложения музыкального материала продуцируется одна мелодическая линия в оркестре, хоре и у солиста. Автор явно тяго-

теет к лапидарности в фактурном развитии материала, избегая излишней орнаментики, за исключением небольшого триольного группето в терцовом изложении.

Композитор верен чувствам, упорядоченным мыслью, темпераментом, сдерживаемым волей, при том, что музыка буквально дышит сердечностью и теплотой.

**Подведем итоги.** Изучение вербальных и музыкальных аспектов песенных текстов имеет большое значение для понимания истории повседневности и культурного фона стран по нескольким причинам.

- Анализ песенных текстов может дать представление о том, какие лексические и стилистические особенности были характерны для той или иной эпохи.
- Песни содержат исторический контекст. Они почти мгновенно реагируют на ключевые события в истории страны. Анализ песен позволяет понять, какие культурные тренды доминировали и какие социальные силы и с какими целями выступали заказчиками музыкального произведения.
- В песнях отражаются социокультурные явления своего времени. Вербальные тексты отражают как повседневность и историю, так и эмоциональные и эстетические аспекты культуры.
- Музыкальный текст песни может сообщить не меньше, чем текст вербальный. Кроме того, что каждая эпоха имела свои приоритеты и музыкальные вкусы, существовал социальный заказ властей предрержащих, использовавших музыку для воздействия на сознание широких масс.
- Песни о Ереване складывались и исполнялись столько времени, сколько существовал сам город. Но настоящий бум начался во второй половине XX в., с началом Хрущёвской эпохи – времени относительной свободы самовыражения.
- Новые ментальные темпоральные ритмы порождали новые музыкальные ритмы. Когда в Америке, на родине свинга, он уступил место новым течениям, в Советском Союзе свинг только входил в моду, и в Ереване стали звучать джазовые песни, ставшие его брендами на многие годы.

#### Список литературы

Абебян М. История древнеармянской литературы. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1975. 606 с.

Аматуни С. Б. Арно Бабаджанян. Инструментальное творчество. Ереван: Советакан грох, 1985. 208 с.

Бурматов М. А. Эстрадная песня: к проблеме трактовки жанра в музыкальной науке // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2018. № 3 (49). С. 82–86.

Верменич Ю. Т. Джаз: История. Стили. Мастера. СПб.: Лань, 2007, 608 с.

Газиян А. С. Армянские народные боевые и солдатские песни. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. 390 с. (на арм. яз.)

Кочарян А. К. Армянские гусанские песни. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1976, 372 с. (на арм. яз.)

Кушнарев Х. С. Вопросы истории и теории армянской монодической музыки. Л.: Музгиз, 1958. 626 с.

Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Академический проект, 2004. 147 с.

Нерсес Шнорали. Песни: Элегия на взятие Эдессы / Вступ. ст. Л. Мириджянян. Ереван: Советакан грох, 1982. 214 с.

Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М.: Вост. лит., 1959. 282 с.

Саркисян А. Ереван в армянском песенном искусстве / Сост. А. Саркисян. Ереван: Мэрия Еревана, Исторический музей Еревана, 2011. 164 с.

Саркисян О. Жанр «плача» в тагах Нагаша Овнатана // Нагаш Джонатан: Сб. ст. Ереван: Лусакн, 2022. 103 с.

Степанян Н. С. Искусство Армении. Черты историко-художественного развития. М.: Сов. художник, 1989. 312 с.

Тарвердян Г. Армянские гусаны: Сб. / Сост. Г. Тарвердян; под ред. А. Назиняна. Ереван: Гос. изд-во Армении, 1957. 298 с. (на арм. яз.)

Тероганян М. И. Арно Бабаджанян. М.: Композитор, 2001. 328 с.

Хачатурян А. И. Страницы жизни и творчества: Из бесед с Г. М. Шнеерсоном / [Лит. обраб. и вступ. ст., сс. 3–32, Г. М. Шнеерсона]. М.: Сов. композитор, 1982. 200 с.

Цукер А. М. Отечественная массовая музыка: 1960–1990. 2-е изд. Ростов н/Д: Ростов. гос. консерватория им. С. В. Рахманинова, 2012, 256 с.

Шегай Ю. К. Формирование навыков джазовой импровизации у студентов-вокалистов в процессе профессиональной подготовки // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87). С. 349–351.

Эмер Ю. А. Ценностная модель мира традиционного фольклора в жанровом воплощении // Вестник Том. гос. ун-та. 2007. № 297. С. 25–32.

#### References

Abeghyan M. Istoriya drevnearmyanskoi literatury [History of Ancient Armenian Literature]. Yerevan, AS ArmSSR Publ., 1948, vol. 1, 504 p. (in Russ.)

Amatuni S. B. Arno Babadzhanyan. Instrumental'noe tvorchestvo [Arno Babajanyan. Instrumental creativity]. Yerevan, Sovetakan grokh Publ., 1985, 208 p. (in Russ.)

Burmatov M. A. Estradnaya pesnya: k probleme traktovki zhanra v muzykal'noi nauke [Pop song: on the problem of genre interpretation in music science] *Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniya* [Current problems of higher music education], 2018, no. 3 (49), pp. 82–86. (in Russ.)

Emer Yu. A. Tsennostnaya model mira traditsionnogo folklora v zhanrovom voploshchenii [The value model of the world of traditional folklore in genre embodiment]. *Vestnik of Tomsk State University*, 2007, no. 297, pp. 25–32. (in Russ.)

Ghaziyani A. S. Hay zhoghovrdakan rrazmi yev zinvori yerger [Songs of the Armenian People's War and soldier]. Yerevan, Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1989, 390 p. (in Arm.)

Khachatryan A. I. Stranitsy zhizni i tvorchestva: Iz besed s G. M. Shneersonom [Pages of life and creativity: From conversations with G. M. Schneerson]. Lit. processing. and introductory articles, pp. 3–32, by G. M. Schneerson. Moscow, Sovetskii kompozitor Publ., 1982, 200 p. (in Russ.)

Kocharyan A. Hay gusanakan yerger, yer, hssh ga hratarakch' [Armenian Gusan songs]. Yerevan, Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1976, 372 p. (in Arm.)

Kushnarev H. Voprosy istorii i teorii armyanskoi monodicheskoi muzyki [Questions of the history and theory of Armenian monodic music]. Leningrad, Muzgiz, 1958, 626 p. (in Russ.)

Lurie S. V. Istoricheskaya etnologiya [Historical ethnology]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2004, 147 p. (in Russ.)

Nerses Schnorali. Pesni: Elegiya na vzyatie Edessy [Songs: Elegy for the Capture of Edessa]. Intr. art. by L. Mirijanyan. Yerevan, Sovetakan grokh, 1982, 214 p. (in Russ.)

Piotrovsky B. B. Van Kingdom (Urartu) [Vanskoe czarstvo (Urartu)]. Moscow, Oriental Literature Publ., 1959, 282 p. (in Russ.)

Sargsyan G. Yerevany hay yergarvestum [Yerevan in the Armenian song]. Comp. by G. Sargsyan. Yerevan, City Hall, Historical Museum, 2011, 164 p. (in Arm.)

Sarkisyan O. "Voghbi" zhanry Naghash Hovnat'ani tagherum [The genre of "crying" in the Tag of Nagash Hovnat'an]. In: Naghash Hovnat'an. Hodvatsneri zhoghovatsu [Nagash Jonathan. Collection of articles]. Yerevan, Lusakern Publ., 2022, 103 p. (in Arm.)

Shegai Yu. K. Formirovanie navykov dzhazovoi improvizatsii u studentov-vokalistov v protsesse professional'noi podgotovki [Formation of jazz improvisation skills among vocal students in the process of professional training]. *World of Science, Culture, Education*, 2021, no. 2 (87), pp. 349–351. (in Russ.)

Stepanyan N. *Iskusstvo Armenii. Cherty istoriko-khudozhestvennogo razvitiya* [The art of Armenia. Features of historical and artistic development]. Moscow, Sovetskii khudozhnik, 1989, 312 p. (in Russ.)

Tagmizyan N. K. *Hay gusanner, Zhoghovatsun* [Music in ancient and medieval Armenia]. Yerevan, 1982. (in Arm.)

Tarverdyan G. *Hay gusanner* [Armenian Gusans]. Comp. by G. Tarverdyan; ed. by A. Nazinyan. Yerevan, State Publ. of Armenia, 1957. (in Arm.)

Teroganyan M. I. Arno Babajanyan. Moscow, Kompozitor Publ., 2001, 328 p. (in Russ.)

Veremich Yu. T. *Dzhaz: Istoriya. Stili. Mastera* [Jazz: A History. Styles. The masters]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2007, 608 p. (in Russ.)

Zucker A. M. *Otechestvennaya massovaya muzyka: 1960–1990* [Domestic mass music: 1960–1990]. 2<sup>nd</sup> ed. Rostov on Don, Rostov State Conservatory named after S. V. Rachmaninov Press, 2012, 256 p. (in Russ.)

#### **Информация об авторах**

*Ерванд Грантович Маргарян*, доктор филологических наук, профессор

Scopus Author ID 57202683981

WoS Researcher ID ABH-2113-2021

SPIN 1758-3649

*Гаяне Саркисовна Маргарян*, кандидат искусствоведения

#### **Information about the Authors**

*Yervand H. Margaryan*, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Scopus Author ID 57202683981

WoS Researcher ID ABH-2113-2021

SPIN 1758-3649

*Gayane S. Margaryan*, Candidate of Art History

*Статья поступила в редакцию 01.02.2025;*

*одобрена после рецензирования 11.02.2025; принята к публикации 11.02.2025*

*The article was submitted on 01.02.2025;*

*approved after reviewing on 11.02.2025; accepted for publication on 11.02.2025*